

От любви есть лишь одно средство: любить еще больше.

Генри Торо

Интуиция

Давным-давно, когда мир еще не изменился, можно было сбежать из дома, притвориться кем-то другим и вписаться в приличное общество. Мать так и поступила. Сюзанна была из бостонских Оуэнсов, рода столь древнего, что Общество потомков пассажиров «Мейфлауэра» и «Дочери американской революции» не могли отказать ему в членстве в своих закрытых организациях, хотя, будь их воля, с радостью выставили бы Оуэнсов за дверь и закрыли бы ее на замок, дважды провернув ключ. Личность их родоначальницы, Марии Оуэнс, прибывшей в Америку в 1680 году, оставалась загадкой даже для членов семьи. Никто не знал, кто был отцом ее ребенка и как ей удалось построить такой замечательный дом, ведь она была женщиной одинокой, без явных средств к существованию. В той же мере были сомнительны и потомки Марии. Мужья исчезали бесследно. Дочери рожали дочерей. Дети убегали из дома, и больше их никогда не видели.

В каждом поколении были те, кто бежал из Массачусетса, в том числе и Сюзанна Оуэнс. В юности она умчалась в Париж, потом вышла замуж и обосновалась в Нью-Йорке, скрывая от собственных детей все, что так или иначе касалось их происхождения (для их же

блага), отчего всех троих мучили сомнения в том, кто они, собственно, такие. С самого начала было понятно, что они не как другие дети, поэтому Сюзанне не оставалось ничего иного, как установить строгие правила. Никаких прогулок при лунном свете, никаких спиритических досок, никаких свечей, никаких красных туфель, никакой черной одежды, никаких поползновений ходить босиком, никаких амулетов, никаких ночецветных растений, никаких книг о магии, никаких кошек в доме, никаких воронов и ворон, никаких прогулок по городу дальше Четырнадцатой улицы. Однако как ни старалась Сюзанна следить за выполнением этих правил, дети упрямо их нарушали, упорствуя в своей необычности. Фрэнсис была самой старшей. Фрэнсис с бледно-молочной кожей и алыми, как кровь, волосами. У нее еще в колыбели открылся талант общаться с птицами, что слетались к окну ее комнаты, словно их звали. Потом родилась Бриджет с иссиня-черными волосами, очень красивая, очень застенчивая и, похоже, умевшая читать мысли. Последним родился Винсент, обожаемый всеми младший ребенок, сюрприз во всех смыслах, единственный мальчик в роду Оуэнсов, одаренный музыкант, который насвистывал мелодии еще до того, как научился говорить, такой обаятельный и бесстрашный, что, когда он только начал ходить, встревоженной маме приходилось водить его на шлейке, чтобы он никуда не сбежал.

В конце 1950-х дети росли быстро, и с годами их странное поведение только усугублялось. Они не хотели играть в обычные детские игры и не интересовались другими детьми на площадке в парке. Ночью, когда родители спали, их отпрыски выбирались на улицу через окна фамильного старого дома на Восемьдесят девятой улице в Верхнем Ист-Сайде, скакали на крыше, спускались вниз по пожарным лестницам и часами бродили

по Центральному парку. Они писали черными чернилами на стенах гостиной, читали мысли друг друга и прятались в кладовке в подвале, где их никогда не нашла бы мама. Они нарушали все правила одно за другим, словно считая это своим долгом. Френни ходила в черном и выращивала на подоконнике ночецветный жасмин, Джет читала Эдит Несбит и кормила всех уличных кошек в округе, а Винсент начал исследовать Нижний Манхэттен с тех пор, как ему исполнилось десять.

У всех троих были серые глаза — фамильная черта, — но сестры выросли полными противоположностями друг другу. Фрэнсис — угрюмая и недоверчивая, Джет — добросердечная и такая чувствительная, что могла разрыдаться от любого недоброжелательного замечания. Джет, как и их элегантная, стильная мама, следила за модой, а Фрэнсис обычно ходила в мятом старье, непричесанная и взъерошенная. Для нее не было большего счастья, чем испачкать ботинки в грязи во время долгих прогулок по парку. Ее дар позволял призывать диких птиц даже без слов: достаточно лишь поднять руку. Когда она мчалась по лугу, казалось, будто она летит, не касаясь ногами земли. Казалось, она говорила на языке птиц, и в их мире ей было уютнее, чем в мире людей.

Что до Винсента, он обладал таким нечеловеческим очарованием, что уже через несколько часов после его рождения медсестра из родильного отделения Нью-Йоркской пресвитерианской университетской больницы попыталась его похитить, спрятав под плащом. На суде она заявила, что ни в чем не виновата. Похищение совершилось не по злему умыслу. Она была зачарована этим младенцем и не смогла перед ним устоять. С течением времени подобные жалобы слышались все чаще и чаще. Винсент был избалован до крайности,

Джет относилась к нему как к живой кукле, а Фрэнсис — как к материалу для научных экспериментов. Если его ущипнуть, размышляла Фрэнсис, заплачет он или нет? Если дать ему коробку печенья и он съест все в один присест, будет ли его тошнить? Да, как оказалось, и еще раз да. Когда Винсент безобразничал — а такое случалось частенько, — Фрэнсис рассказывала ему сказки собственного сочинения: страшные сказки о наказаниях для непослушных мальчишек, которые не слушают старших. Впрочем, ее назидательные истории совершенно на него не действовали. Но она все равно опекала его и защищала и продолжала защищать, даже когда он стал выше нее.

Все трое ненавидели школу, куда их ценой стольких усилий устроила мама. Для того чтобы детей взяли в школу Старлинга, Сюзанне Оуэнс пришлось давать званые обеды для всей школьной администрации. Хотя их старый дом обветшал из-за отсутствия средств — отец семейства, психиатр, консультировал многих своих пациентов бесплатно, — он все равно производил впечатление. Для званого вечера Сюзанна украсила гостиную серебряными подносами и шелковыми диванными подушками, купленными специально для этого случая и возвращенными в «Тиффани» и «Бендель» буквально на следующий день. Школа Старлинга считалась весьма привилегированным заведением, с постом охраны у главного входа на Семьдесят восьмой улице. Школьная форма была обязательна для всех учащихся, хотя Френни постоянно подтягивала свою серую юбку повыше и спускала колючие гольфы до самых лодыжек, являя миру голые веснушчатые ноги. Ее рыжие волосы вились при влажной погоде, а кожа мгновенно обгорала, стоило ей пробыть на солнце больше четверти часа. Френни всегда выделялась в толпе, и ее это жут-

ко бесило. Она была очень высокой и продолжала расти, пока в пятом классе не достигла пугающей отметки в шесть футов ровно. У нее были длинные, совершенно нескладные руки и ноги. После детского сада, где она была выше любого мальчишки, Френни еще десять лет оставалась хмурым и неуклюжим ребенком, пока ей не исполнилось пятнадцать. Она часто ходила в красных сапогах, купленных в секонд-хенде. *Странная девочка*, было написано в школьных отчетах. *Возможно, следует проконсультироваться с психологом?*

В школе сестер не любили, они считались белыми воронами, если вообще не паршивыми овцами, и Джет была особенно легкой мишенью. Одноклассницы доводили ее до слез язвительными замечаниями и толчками. Когда она стала целыми днями прятаться в девчоночьем туалете, Френни быстро вмешалась. Вскоре все в школе знали, что сестер Оуэнс лучше не трогать, если не хочешь споткнуться на ровном месте или начать заикаться, когда тебя вызывают к доске. От сестер исходила опасность, даже когда они просто сидели в столовой и ели сэндвичи с помидорами или искали книги в библиотеке. Попробуй кого-то из них обидеть, и сляжешь с гриппом или корью. Попробуй кого-то из них разозлить, и тебя вызовут к директору, обвинят, что ты списывал на контрольной или прогуливал уроки. Честное слово, лучше оставить сестер Оуэнс в покое.

Единственным другом Френни был Хейлин Уокер, выше нее на три дюйма и точно такой же замкнутый и нелюдимый. Он происходил из весьма состоятельной семьи и уже в силу рождения был обречен ходить в школу Старлинга. Его дедушка выделил средства на строительство спортивного комплекса «Уокер Холл», который Френни, ненавидевшая физкультуру, переиме-

новала в «Чертов Холл». В шестом классе Хейл устроил акцию протеста: приковал себя к стойке с десертами в школьной столовой и потребовал повышения зарплаты работникам кафетерия. Френни восхитилась его поступком, хотя остальные ученики просто смотрели, выпучив глаза, и не поддержали Хейлина, когда тот начал скандировать: «Равенство для всех».

Когда вахтер, чуть ли не извиняясь, перепилил цепь ножовкой, директор школы провел с Хейлином долгую воспитательную беседу и велел написать сочинение о правах рабочих, что сам Хейл никак не считал наказанием, даже наоборот. Вместо требуемых десяти страниц он накатал целый трактат почти на полсотни страниц с подробными сносками, и примечаниями, и цитатами из Томаса Пейна и Франклина Рузвельта. Он с нетерпением ждал следующего десятилетия. Все изменится в шестидесятых, говорил он Френни. И, если им повезет, они будут свободны.

Хейлин происходил из богатой, привилегированной семьи, но отвергал привилегии и презирал богатство. Ходил буквально в лохмотьях и в старых ботинках с дырками на подошвах. Он хотел лишь одного: завести собаку и перейти в обычную школу. Родители отказали ему и в том, и в другом. Его отец был крупнейшим акционером одного очень известного международного банка, чей главный офис располагался в Манхэттене с 1824 года. Хейл ужасно этого стыдился. В старших классах он даже подумывал официально сменить фамилию на Джеймс или Смит, чтобы ничто не связывало его с семьей Уокеров и их постыдной алчностью. Он доверял Френни в частности и потому, что ее совершенно не впечатлял внешний лоск. Ее нисколько не интересовало, что он живет в пентхаусе на Пятой авеню и что у его отца есть дворецкий, обучавшийся в Ок-

сфорде и щеголяющий в сюртуке-визитке и начищенных до блеска ботинках.

— Это ж сколько мороки, — всегда говорила Френни.

И самое главное, у них была общая страсть к науке. Сейчас Хейлин изучал воздействие марихуаны на потребление калорий. На данный момент он набрал пять фунтов веса меньше чем за месяц, пристрастившись не столько к траве, сколько к пончикам с джемом. Он был добродушным и очень спокойным, если не рассуждал о биологии, несправедливости или своей верности Френни. Он ходил за ней следом, как преданный пес, и его, кажется, совершенно не волновало, что он выставляет себя на посмешище. Когда они были вместе, его глаза загорались неукротимым огнем, и Френни это пугало. Как будто в нем жил еще один Хейлин, его скрытое «я», питаемое эмоциями, с которыми они оба были еще не готовы столкнуться.

— Расскажи мне о себе все-все-все, — часто просил ее Хейлин.

— Ты и так все обо мне знаешь, — отвечала Френни. Он знал ее лучше, чем кто бы то ни было. Может быть, даже лучше, чем она знала себя сама. И это тоже пугало.

В отличие от Френни и Джет Винсент чувствовал себя в школе совершенно непринужденно. Он начал учиться играть на гитаре и тотчас же превзошел своего учителя, и уже очень скоро толпы влюбленных девчонок ходили за ним по всей школе. Его интерес к магии проявился достаточно рано. Он вынимал монетки из ушей одноклассников и зажигал спички, просто дуя на них. Со временем его способности развились. Одним только взглядом он мог вырубить электричество во всем доме Оуэнсов: сначала лампочки начинали мигать и искрить, а потом выключались совсем. Запертые двери открывались сами собой, окна распахивались на-